

Маргарита ТОКАЖЕВСКАЯ,
Санкт-Петербург

Токажевская Маргарита –
художник, поэт,
член Союза писателей России.

Медленно вхожу в густой, первозданный, Богом возвращенный лес – поэтический мир стихотворца Ильи Брагина. Я бывала уже на светлых опушках этого леса, обходила его вокруг, иногда заходя ненадолго и в тенистые ельники, и в розовато-кремовые березнячки, но ведь с лесом всегда так – не сразу найдёшь главные дороги, а уж заветные тропки не всякому знатоку спервогляду откроются. Теперь, начиная

«ЛЕС»ные МИРЫ

ИЛИ ОГНЕННЫЙ БЛЕСК ДУШИ

вчитываться в избранные из первой книги «Цветные сны» стихи, я вдруг подумала: «Бог лес посадил, взрастил, а лесником туда поэта Илью Брагина поставил, – он и всегда мне казался похожим на лесника, особенно когда в лесу читает свои стихи наизусть во множестве – там ведь их небо, их воздух, и там они птицы, ручные и вольные одновременно, и там они поют!» Да. Так открылось, подумалось, а внутри ещё и попросилось у дальних предков моих, которые были егерями: подскажите, пращурцы, как мне быть в едва знакомом, сильном, огромном лесу, где большинство тропинок прячут густые древние папоротники (многослойные знания Ильёй евангельских текстов, древних религий Востока, философских систем и многое другое), где в голубых озерах купаются летними утрами и днями звёзды перед тем, как им вернуться на ночную службу (мечтательность и работоспособность поэта), где... Ведь, кажется, нет конца

этому лесу. А и не кажется, а, действительно, нет конца.

И вот иду, смотрю с автором его «цветные сны», словно крылья бабочки поэзии, «в жилках слогов», сны, написанные самим Лесником для меня, как одного из читателей, и для всех, кто откажется начать путешествие лишь потому, говорит он, что: «Я ещё не умею слагать бессловесных стихов»... Автор, он же Лесник, с горечью наблюдает «незапертых людей», не доверяя, пожалуй, идущим за ним. Но доверие – дело трудное, запросто так не даётся, придётся хранителю леса, создателю отдельных миров большого мира, поработать на славу, порассказать, исповедаться, приблизить, сломать лёд непонимания, а это только чистой искренней речью можно сделать, и то не сразу. Начнёт он издаലെка, из себя, теперешнего, через детство («Посвящение Инне Сидоренко»...) мостик перекинет и протянет на ладони «слезинки солнца» – январь, собравший и сохранивший солнце далёких эр и память детства, проведённого на Рижском взморье. И легко увидит в его «Зарисовке» то, что он, внимательнейший, с острым взглядом художника и тонко чувствующего человека, – понимает чужую душу. Сделано стихотворение точно с натуры или по свежему впечатлению, оно – сама наблюдающая личность, автор буквально считает: «Ты улыбаешься, нет... прячешься за смехом»...

Так! Ты уже дрогнул, лёд твой тронулся, господин присяжный заседатель... Ну, хорошо, улыбнись лунной ночи, хоть «на ночь смотреть нельзя, ведь она – жена поэта», а потом помолись за поэта, как он просит, чтобы тебе стать ближе к нему: «Помолитесь, друзья, за поэта», ведь награда его всегда «непокой, непокой, непокой». «Перечитывая Толстого», – любя «Войну и мир» вопреки школьному преподаванию, – стала вспоминать все четыре периода жизни, когда чтение его являлось спасением, отвлечением от отчаяния. Отклики-переключки.

Лесник устал, пятернёй расчесал густую тёмно-русую с рыжиной бороду, вытащил и выпустил из неё на волю жучка, присел отдохнуть на поваленную ветром осину, подумал, что, как ни исповедуйся, как ни разглядывай и ни выпитывай мир земной, а «Всё равно запросит неземного / Душа, одетая печальной желтизной...» (Стихотворение «Печальной»). Слышите? Это и Вы в его цветных снах, земной ли, небесный читатель, он Вас чувствует и там, и там... И «Полнолуние» подросло, этот вечный катализатор нервических выплесков всех поэтов, и вот какими бусами лунный свет раскатился по малахитовой ночной траве: «Филин, точно луны посылный...», «Лишь луна, точно бледный японец...», «Над горящим чешуйками морем», «Не с кем, незачем, не о чем, нечем...», «Полнолуние, как смерть, просквозило...», «И внезапно опустится в душу / Эта ночь, воплощённая в Слово...». Восхищение вызывает даже отдельно взятые строки.

Лесник огляделся и стал читать своего «Екклезиаста». Великолепно-лёгкое и в то же время эквилибристское стихотворение на известную тему «многие знания – многие печали» начинается так: «Скучно жить –

я всё познал, от небес до ада» и заканчивается оптимистично: «Только к жизни быстротечной, от небес до ада / Мне ключи оставить у себя позволь». Прочёл и подумал вдруг о близком. «Юленьке – сестрёнке» – стихотворение-утешение, проникновение в ранимую душу: «Чем грустнее теперь, тем изысканней будет веселье», – кому, как не лесникам, ценить оживление замёрзшей души и леса, и человека...

Но лесник на то и лесник, что любит свои дубри, доверились уже, идите следом, там, внутри них, и Шамбала («Гимн Шамбале»), где «беспокойная совесть мерцает звездой в золе», и эталоны («Эталон») («Совладать со своею болью легко нам, / Потому что чужая нас жжёт сильнее, / И делиться мы ближних просили ей...»). А стремящиеся к идеалу уже не могут повернуть обратно, даже если попробуют испугаться...

Свойственно каждому подводить итоги, само собой пока предварительные, что и делает поэт в стихотворении соответственно названном («Подведём итоги»): «Очевидно, святой из меня не вышел», «Что ж, придётся, пожалуй, мне стать поэтом», «И осколки неба в моей квартире / Отражают не видимое глазами». Да, самоирония налицо, но талантливая, и потому не уничижительная, а признающая этапность, а там и до видимого иными глазами рукой подать.

О стихотворении, посвящённом бабушке, хочется сказать восторженно: такого стихотворения о бабушке я никогда не читала, а читать приходилось-таки немало стихов. Каждая строчка – Любовь, юмор, радость, память, благодарность!!! Не она ли, свет Евгения Васильевна, научила своего внука чувствовать и писать с размахом от стиля молодого повеса (стихотворение «О маркиза! Я пишу Вам из Лондона»), капризно-игриво, искренно-лирично, эпиграфируя Бродским, до стихов, словно пуля навилет («Ко светлomu воинству»). Пронзительно-сквозное, вынутое из души горячее признание в тоске по «золотым князьям» – ангелам, святому воинству запредельного Света не оставляет сомнения – перед нами Поэт-Лесник, действительно чувствующий каждой клеточкой Свой Лес, Своё Слово... Вторят следующие стихотворения: «На движение призванный князем прохладных небес», где Создатель вдыхает небо в человека, сына своего, и синева в человеке смешивается с синевой вокруг(!!) и «Так лучезарна жизнь...», где герой приходит на пир к Богу, и «часто на меня со светлым тихим смехом / Хозяин дома смотрит через стол»... Такие стихи можно написать лишь в минуты высшего просветления духа, высшей милости Бога, посылающего лучи света прямо к сердцу, чтобы оно не могло не верить и в жизнь вечную, и в высшую Доброту.

«Краешек земли» – а где он? Для поэта это – краешек души, который соприкасается с небом, с божественно-земным – природой другого человека, людей вообще. «Дух, приспособленный молиться», блуждая в лесу жизни, натывается и на врагов, и на грехи, свои и чужие, и плутает в чащах сомнений своих, но из детства и юности протягивает спасительную нить «памяти

горечь медовой». В стихотворении «Ничто, мой друг Меркуций, на земле...» Илья Брагин говорит о поэте: «Его глагол – Голгофа». В нём спрессованы размышления о психофизике поэтического чувствования и ремесла, и опять поэт уводит себя в «добровольный плен» – «знакомство ветра, птиц, дождя и яблонь» – посидеть «на краешке земли», Богом нам данной для накопления трудов и сомнений, мучений и знаний не только о том, что видишь. Чувств, и то – шесть, а предчувствий и при-чувств – неисчислимо больше... И поэт говорит сам себе: «Не завидуй, друже, небесам», «Небеса прекрасны, как карета, / Только запряжён в неё ты сам». Да, на краешке земли ты всегда возишь за собой Своё Небо, какое досталось при рождении и какое ты сам выстроил-вырастил.

Лесник же всё чаще выводит поэта к деревьям (Стихотворение «Словно озеро – тихие думы»), в лес, к звёздам – жителям вселенского сада. Утешение и успокоение мятущегося его духа рядом со «святыми растениями и черноглазыми реками»(!), когда «лес кажется святей монастыря» (и с этим сразу соглашаешься, лишь после замедления вздрогнув)... Здесь чувство благодарности божественной природе, ведь ни одного листика человек на дерево не прилепит... Что уж говорить об очистительной, всепрощающей силе воды, о её роли и как одного из главных символов поэзии («Элемент вода»), и как питателя жизни на земле («И на поверхности её паук мечтает»). В этом цикле – колыхание, качание себя в колыбели леса. Лес здесь – образ всего первоизданного. За ним стоит детство и земля, и своё, все чувства радости и печали, «Лес берёт нас с тобой на поруки», здесь та обстановка, которая сразу делает тебя соприкосновенным с Богом, он в каждой травинке, в любом человеке, о котором, наверное, только истинный лесник-сказочник (а где-то и леший) может сказать: «Твой смех похож на тридевять земель...» (стихотворение «Поговори со мною неспроста»).

Подумалось по пути чтения стихов Ильи Брагина, что читать их очень увлекательно – это своеобразная беллетристика, настолько зажигает искренность и искромётная неожиданная образность, острое внутреннее зрение души, которое вдруг поворачивается вовне и ослепляется, вздрагивает от шока – как удивительно-божественно всё вокруг! («Придавав шарфу движенье ветровое»). Порой он сердится, шалит, дразнит себя от страха и боли Так видеть и Так слышать в себе строки и очень земного, и Божьего создания. Так почти смертельно больно могут спорить меж собой только две ипостаси человека... Вторая ипостась побеждает чаще (стихотворение «Полёт над землёй»), и если бы не этот добрый земной Лесник, совсем бы туго пришлось, ведь отчаяние всегда наготове со своим ледяным сквозняком («Я не верю в любовь, я не верю в мечту»). А Лесник умиротворяет («Умиротворение»), а порой даже смешит и баюкает... Знаки, символы и шифры правят миром, и это знание проявляется по мере чтения постепенно (ст. «Чёрно-белый формат»), они – как гадание о собственной душе по гуще слов, растекающейся

самыми замысловатыми узорами по белоснежному фарфору листа... Всё тут беспороча. Все отгадки имеют оттенок загадочности, а все загадки подсвечены надеждой отгадки...

«Что-то тайное в нас» – и тайна, и настолько явная истина, что её не распознать, как «лицом к лицу лица не увидать», – разве что искать углы зрения и ракурсы восприятия во снах, в мучениях духа и трудностях жизни своей и любимых, ценимых людей, будь-то друзья поэты или случайно встреченные нищие. Ищешь, собираешь эту истину из разновеликих пазлов предчувствий и сиюминутностей, несмотря на то, что веришь в написанное в Вечных Книгах «состраданье» неба и солнца, посылающего «благую весть». Тяжки и мятежны думы одинокого Лесника, с трагическим пафосом и болью он обращается к тому, кто мог бы быть его другом – эпитафия из Игоря Талькова к стихотворению «Разговор» и само оно говорят об этом. Литературные переключки несомненно читаются тоже. Многие стихи этого цикла – разговор с собственной душой и Богом, через призму иных душ, и одна из них признаётся: «А душа в тебе – тот чудак, / Что ходил грустить на крыльцо» (ст. «Душа»), но и это не утишает мятежность лесной дикарки: «Просто хочется ей обнять / Ветер, солнце и небеса» (там же).

Образом небес часто представляется утерянная улетевшая птица любви. Птица улетела, но «в зеркальном мире очень явно» (стихотворение «Привидение») существует сама любовь. Да и может ли вообще исчезнуть или убавиться любовь из сердца поэта, она только прибавляется, потому как ей там хорошо. Конечно, себя поэт и препарирует, изучая, но любовь оставляет нетронутой. Беседует с душой и советует: «Родись, поживи муравьём, / Избавься, душа от гордыни...» (стихотворение «Прозрачная грёза небес»). Но разговоры с собой всегда спасительно уводят к природе: стихотворения «Целовался я с озером летом», «Ветер», «На даче», «По старинке я по саду брожу»: «И улиток я спасаю, чтобы их / Души-крошки помогли мне спастись (да простят нас и поймут заядлые огородники и садоводы...). «Добыв приличный маршрут в лесу» – стихотворение, которое я слышала на месте его создания, недалеко от заброшенной егерской, по преданиям, избушки... Вот это вещь! – скажу-ка я по-брагински. Он словно подтвердил заранее то, что я теперь пишу, про себя он читал или про того, кто раньше следил за Лесом, а уходя, оставил поэту лесное, а тот принял. А Лесу мы, и правда, все должны («Я по лесу бродил как должник» (внутри: «Лес тешился мечтою», «Пень казался мне мудрецом», «Лес ошупал моё лицо / Паутинкой подслеповатую»(!))

Цикл «Жить между небом и землёю» начинается стихотворением «Я не воск, чтобы таять легко», и уже в нём: «Я иду поднебесной тропой, / Мне утоптанной трассы не надо...» – заявка на искренность, на самость, на желание высказать нутряное до донышка, не лукавя и не выбрасывая

то, что страшновато порой о себе говорить... Но потому лишь и «открылись поэту двери изысканных чудом чувств» (стихотворение «Я помню тот вечный вечер»), потому и «жалобно вышел в стужу», чтобы заморозить себя, уподобиться нищему, выпить зверобойной настойки... Но: «Блестит как глаза Снегурки, / Тысячезвёздный наст...», да и весна спасительно подоспела (стихотворение «Наст на снегу как парафин»: «Пусть радость – кроха»). «Тридцатое апреля» – стихотворение настолько концентрированно говорит об отношении Ильи к природе, что цитировать его можно только полностью – здесь и ожидание тепла, и ожидание окончания тревоги. Таковы же и стихи «Моя негордая мечта – жить между небом и землёю», и удивительной лиричности цикл «На даче», где столько тонкой наблюдательности художника, света, добра, что следом идущие стихи о любви могут быть только в цвет Света, несмотря на строки «Любовь – это бой между мной и тобой». Да – «между небом и землёй» – так и живём на земле, то падаем, роняем себя в траву, то взлетаем душою на небо с просьбой о вере (Стихотворения «Бог не явился. Я не спал», «Заветное лицо», «Счастье»).

«Я плачу тихо о любви» – весь этот цикл – разговор с Богом, молитва, исповедь, порой самобичевание и самоиздёвка. Эти философские стихи настолько честны, что каждый найдёт в них и свои сомнения, и печали, и веру, то крепкую, то держащуюся на волоске (Стихотворение «Мерцает суть на кончике лучины»: «Всю жизнь я подчинялся лишь закону. / И вот теперь над благодарью бьётся...»), пронзительное и только кажущееся простым стихотворение «Словом нас Господь создал из праха».

Но как прекрасна земная жизнь мы тоже знаем, когда после пары бесснежных зим вдруг выпадает белое чудо (стихотворение «Выпал снег, и земля перестала быть чёрной»), когда гуляешь по этому снегу с любимым псом («Вечер, в парке с собакой прогулка»), когда чувствуешь себя травой, «согретой снегами», когда на чёрное как земля одиночество выпадает вдруг чистота любви («Меня похитила любовь...», «Болезнь она или исцеленье»). И название цикла «Жду тебя на небесах» – праведно звучит.

«Я путешествую в мирах» – путешествие в земных и небесных мирах своего космоса, где Хронос и Кайрос (бог счастливого мгновения) едва ли не равновелики и равновластны. Ощущение стихийной природы бытия сквозит в строках Ильи Брагина, словно в сочинениях Гераклита. Отсюда же частый трагический, а порой юмористически-сатирический пафос (так шутят те, кому понятно: терять нечего – у тебя ничего нет, и всё есть у тебя...), торжественная и в то же время нервной атмосфера стихотворного действия, отсюда символизм и многогрешная неразделимая порой многослойность, требующая бесчисленно-разнообразных трактовок («Эпоха не похожа на сегмент, / Но дорожу я, право, только частью» (какой?) – часть эта многообразно расшифрована, а каково же тогда целое?)

«Шумит симфония дождя» – здесь дождь представлен в конце сироткой, перед тем находясь эквивалентно в самом Илье (а как же иначе с таким-то именем), ещё перед тем он – режущий инструмент, ещё ранее – сцена, на которой сам же играет словно оркестр созданную собой симфонию. Как тут не вспомнить Диогена Аполлонийского, у которого «Всё существующее есть изменение одного и того же и таким образом тождественно» или из Мусея: «Из единого всё, и в то же самое оно и разрешается». То есть кажущиеся, да и являющиеся таковыми дебри Лесника в то же время капля или даже только молекула воды, которая в «непростом учёном добряке» пресуществляется в прощение, любовь, радость от непрестанного общения с Богом. А он один и бесконечно делим одновременно... А «непростой учёный добряк» потому таков ещё, что в любую минуту готов и желает стать ребёнком, шутником, «сквозь смех» пробирающимся, а уж хозяином внутреннего и внешнего Леса – всегда. Оттуда премного учёности, а не токмо из книг при всём к ним почтении. Жизнь – не только игры «с памятью в прятки», хотя игры эти развивают душу как мало какие книги...

Конечно, «Поэт – заложник впечатлений» (стихотворение «Поэт – не раб неврастении»). Но как хочется ему быть просто человеком, и не всеми ли своими стихами он неустанно ищет, в чём это «просто», «взыскуя волшебства» познания и понимания (стихотворение «Волшебства взыскуя, посмотрел я в очи»), и за это взыскание непременно просит: «Господи, прости!» (там же). И Господь прощает, словом ли из уст священника (триптих «В монастыре») или даря общение с природой...

О световой природе ума и блеске умственных эйдосов можно много прочесть у античных философов и эстетиков, и многие из них неустанно учат самособранию, самосгущению души и ума, о превращении души в чистое умное состояние. Огненный блеск души художника, поэта Ильи Брагина – работает именно как превращатель собственного неопределённого, неустойчивого, нервного, рассыпающегося мира в – светлое сознание, чистую мысль, в красоту живого ума, бесконечного и неисчерпаемого, но цельного, саморазвивающегося, самособирающегося. Мало, однако, душе поэта – только быть собирающей. Она должна действовать вовне, эту идею можно назвать и мифологической, и философской, и даже научной. Поэты – всегда интуитивные философы, смешно бы было думать, что они заглядывают в соответствующий учебник. Таким учебником может быть лишь сама жизнь, Вселенная. В моём эссе – это Лес, а поэт в нём – Лесник. Я лишь немного рассказала Вам о своём видении этой Вечности – поэтической многолетней работы хранителя и работника слова. Остановлюсь, надеюсь, не резко, а, может, всё же оборвав себя на полуслове. Потому как всякое частное видение – лишь осколок, здесь – желающий зажечь...

